

БОГАТЫРСКИЕ ПОЭМЫ Н. А. РАДИЩЕВА: ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ ЖАНРА БЫЛИНЫ

В статье в свете созданной М. М. Бахтиным концепции памяти жанра анализируется жанровая специфика богатырских поэм Н. А. Радищева “Алеша Попович” и “Чурила Пленкович” и характер проявления в их структуре элемента былины как одного из жанров-предшественников.

Ключевые слова: жанр, былина, богатырская поэма, волшебнo-сказочная поэма, память жанра.

Внимание исследователей к волшебнo-сказочным поэмам Н. А. Радищева (второго сына А. Н. Радищева) “Алеша Попович” и “Чурила Пленкович”, опубликованным впервые в 1801 г., обусловлено, в первую очередь, несомненным влиянием, которое оказало одно из этих произведений (а именно “Алеша Попович”) на поэму А. С. Пушкина “Руслан и Людмила”. Впервые его отметил и охарактеризовал П. В. Владими́ров [3], указав на связи, прежде всего на уровне сюжетики, между поэмами Н. А. Радищева и знаменитой сказкой А. С. Пушкина. С этого времени богатырские поэмы Н. А. Радищева вызывают интерес исследователей [13], не исчерпавшийся и поныне [1].

В центре литературоведческой и литературно-критической дискуссии вокруг произведений Н. А. Радищева вопрос о связи их с подлинной русской национальной культурой. Показательно мнение критика Н. А. Полевого: “Руссизм поэмы Пушкина была та несчастная, щеголеватая народность, Флориановский манер, по которому Карамзин написал Илью Муромца, Наталью Боярскую дочь и Марфу Посадницу, Нарезный Славянские вечера, а Жуковский обрусил Ленору, Двенадцать спящих дев, и сочинил свою Марьину рощу” [11, с. 161].

В какой-то степени похожую оценку давали исследователи и поэмам Н. А. Радищева: отмечая их несомненный фольклоризм и связь с былиной, влияние былины все же признавали очень малым и искаженным. Такая оценка обусловила отсутствие специальных исследований влияния былины на волшебнo-сказочные поэмы Н. А. Радищева. Как представляется, причина тому – факт, что былина повлияла на произведения Н. А. Радищева опосредованно, и, следовательно, для описания связи между богатырским эпосом и поэмами Радищева недостаточно простого сопоставления. Для описания такой сложной межвременной взаимосвязи, порожденной взаимодействием жанров фольклора (былина, волшебная сказка) и индивидуально-авторского литературного творчества (поэма, рыцарский роман, литературная сказка), необходима особая методика. Ключ к ней – теория жанров М. М. Бахтина и, прежде всего, концепция памяти жанра.

Вопрос о памяти жанра впервые поставил М. М. Бахтин в труде “Проблемы поэтики Достоевского” [2]. Эта концепция в определенной степени суммирует идеи М. М. Бахтина о том, каким образом определенный литературный жанр возникает, живет в истории, изменяется, порождает жанры-преемники, но и сам, в свою очередь, в какой-то степени наследует структуру предыдущих жанров. Впоследствии концепция памяти жанра вошла в литературоведческий тезаурус, однако не стала полноценным термином: единое четкое определение, не носящее описательного или концептуального характера, пока не закреплено в литературоведческих словарях. Представляется возможным принять в рамках настоящей статьи, что память жанра – структурная общность произведений, принадлежащих к различным жанрам, обусловленная общим происхождением этих жанров. Такая общность при сравнении двух текстовых корпусов, образующих жанры, проявляется на различных уровнях, среди которых можно отметить следующие:

1. Тематика произведений.
2. Характерное мировосприятие авторов.
3. Характерные для жанра/произведения литературные приемы.
4. Сюжетики и композиция произведений.
5. Социально-эстетическое значение жанра (которое включает в себя его аудиторию и восприятие его читателем как низкого или высокого, массового или элитарного).
6. Поэтика: ритмика, лексика, фразеология и другие поэтические особенности, типичные для подавляющего большинства произведений жанра.
7. Непоэтические формальные характеристики текстов (например, объем).
8. Жанровая дистрибуция (какие жанры генетически или тематически связаны с исследуемым, с какими происходит плодотворный обмен материалом).
9. Внелитературная жанровая дистрибуция.
10. Авторское определение жанра произведения [15, с. 65].

Сравнение текста литературной богатырской сказки с корпусом текстов, представляющих жанр былины, оправданно в рамках изучения проявлений памяти жанра былины в этой богатырской сказке. При этом наиболее актуальными становятся параметры 1–7, 10 из

вышеприведенного перечня. Они и станут ориентирами для анализа поэм Н. А. Радищева в их сопоставлении с русскими былинами. Из вышеизложенного вытекает **цель статьи** – выделить и описать проявления памяти жанра былины в богатырских поэмах Н. А. Радищева “Алеша Попович” и “Чурила Пленкович”.

Аспектный анализ поэм “Алеша Попович” и “Чурила Пленкович” позволяет заметить следующее:

1. Оба произведения посвящены описанию авантурных приключений героев-богатырей в мире, основанном на летописных, народных (выраженных в фольклоре) представлениях о Киевской Руси – аналогично “Богатырским сказкам” В. А. Левшина, М. Д. Чулкова, М. И. Попова, поэме Н. М. Карамзина “Илья Муромец” и некоторым другим произведениям, относимым исследователями к жанру волшебного-сказочной поэмы [1].

2. Мировосприятие, отраженное в богатырских поэмах Н. А. Радищева, обнаруживает черты сходства как с былинной, так и с литературной богатырской сказкой второй половины XVIII в. Так, Радищев заимствует псевдославянский пантеон из “мифогенных романов” [5] М. Д. Чулкова, М. И. Попова, В. А. Левшина. В его поэмах часты риторические обращения героев и второстепенных персонажей к “богам”, фоновые упоминания языческих божеств как славянского пантеона (Перун), так и квазиславянских божеств (Зимцерла, Лель и Лада, аутентичность которой становилась предметом научной дискуссии в XX в.), так и античного (Зефир и проч.). Языческие божества играют исключительно позитивную роль в судьбе героев: хотя, отчаявшись, Алеша Попович и ропщет на богов, впоследствии по их воле все обращается к лучшему. Так, Алешу освобождает молния, ударившая в столетний дуб по воле Перуна.

Для богатырских поэм Н. А. Радищева характерна контаминация классицистической и славянской народной демонологии: отрицательными героями поэм стали Баба Яга, Змей Горыныч. Здесь в качестве наиболее вероятного источника также следует назвать “Русские сказки” В. А. Левшина: Баба Яга упоминается в “Повести о дворянине Золашанине” [10, с. 128]. Место Бабы Яги в художественном мире поэмы Н. А. Радищева “Чурила Пленкович”:

Зовется иногда зло міра Сатаню,

У Персовъ Ариманъ,

Между Татаръ Шайтанъ,

Но Россы назвали зло Бабою Ягою [14, с. 5].

Нетрудно заметить здесь переключку с В. А. Левшиным, в повести которого (в отличие от народных сказок) Баба Яга описана как результат экспериментов черта по созданию абсолютного зла.

Отдельного внимания заслуживает хроно-топ Киевской Руси в поэмах Н. А. Радищева, который, как и все более ранние авторы богатырских сказок, описывает Киевскую Русь как

могущественную и процветающую державу, успешную в войнах с сопредельными государствами и единую. Таким образом, Н. А. Радищев разделяет типичное для всех остальных авторов видение эпохи Киевской Руси. В центре топоса находится Киев, стоящий на Днепре, из которого выезжают богатыри, в который они стремятся, чтобы завершить историю о подвиге или встретиться с князем. Владимир в поэме “Чурила Пленкович” описан как идеальный правитель. Он – “мудрый князь”, “России просветитель”, “собиратель народов” и герой, увенчанный славой. Стоит отметить, что такая оценка – скорее примета эпохи создания произведения, чем проявление памяти жанра былины, для которой распри и напряженные отношения князя и богатыря – скорее норма, чем исключение. В то же время, как и в былинах, Владимир не совершает подвиги собственноручно: он “покоится на лаврах”, а чтобы справиться со Змеем Горынычем, угрожающим Киеву, князь зовет на помощь богатыря.

Н. А. Радищев эпизодически пытается осовременить мир общественных отношений Киевской Руси (в летописном и былинном отражении): так, Алеша Попович у него сын попа (“Попович юный” [12, с. 4]) – несмотря на полное отсутствие православных мотивов в поэме. Стоит отметить расхождение с В. А. Левшиным, который объясняет прозвище Попович (“Попоевич”) именем отца богатыря – верховного жреца Пруссии (“Поруссии”) Попоензы. Былины же называют Алешу сыном ростовского попа Левонтия [6, с. 180]. Указания на это можно найти в былинах, записанных в разных районах бытования: Нижняя Печора (деревня Бедовая Пустозерской волости) [6, с. 401], Якутия (Верхоянский округ, низовья Индигирки) [6, с. 401], Алтайский край (имя попа не названо) [6, с. 404], деревня Коково Пудожского района Карельской АССР (имя попа не названо) [6, с. 405]. О происхождении Алеши Поповича упоминается лишь в нескольких вариантах достаточно редкой былины о победе Алеши над Тугарином – неудивительно, что В. А. Левшин, обладавший лишь ограниченным доступом к записям былин, не был знаком с этими вариантами и был принужден выдумать экзотическое объяснение имени богатыря. Вероятно, версия В. А. Левшина показала Н. А. Радищеву надуманной, и он отдал предпочтение более очевидному объяснению – происхождению богатыря от попа (по Н. А. Радищеву – дьячка). Из того, что Н. А. Радищев отдал предпочтение былинной версии, впрочем, не следует, что он опирался при этом на фольклорные источники, недоступные В. А. Левшину.

Важным аспектом, оказывающим определяющее влияние на ряд параметров богатырской сказки и богатырской поэмы, является установка автора на вымысел, нестрогую либо строгую достоверность повествования. Характерной для богатырских сказок В. А. Левшина, которому наследует Н. А. Радищев, является ус-

тановка на нестрогую достоверность, где читателю предлагается самостоятельно отделить факты, имеющие историческую подоплеку (“правдоподобные”) от явно вымышленных. Таким образом, традиционно в богатырских сказках автор избегает четко определять свою установку – как и сказитель былины не отмечает специально при воспроизведении былины, что она полностью основана на действительных фактах: такое отношение устанавливается молчаливым консенсусом между сказителем и слушателем. Как и читатель богатырской сказки, слушатель былины имеет полную возможность относиться скептически к реальности воспеваемых событий, и насколько высоким было доверие крестьянина-слушателя к былине как источнику исторически достоверных фактов, теперь едва ли удастся надежно установить.

Смешение сказочных мотивов, сюжетов и образов с былинными, а также обилие сказочной фантастики в поэмах Н. А. Радищева выдают авторскую установку на вымысел при описании событий, однако с поправкой на нестрогую достоверность образов героев этих событий. В предисловии к поэме “Алеша Попович” Н. А. Радищев пишет “Алешу древнего пою”, признавая его историческим персонажем. Сплетение летописных, сказочных и былинных мотивов в богатырских поэмах Н. А. Радищева порождает не чисто сказочную, а “сказочно-историческую”, по определению Л. А. Курышевой, модель повествования, как и в произведениях В. А. Левшина [8]. Следуя за В. А. Левшиным, в контекст былинных и летописных образов русской истории Н. А. Радищев включает героев европейских исторических и квазиисторических сочинений. Так, отец спасаемой Чурилой девушки Прелепы – Ваидевут, имя которого встречается и в сказках В. А. Левшина. Имя Ваидевут носил легендарный король пруссов, о деяниях которого повествует основанная на смешении достоверных источников и вымысла “Прусская хроника” (1517–1529 гг. написания) Симона Грюнау и опирающиеся на нее исторические источники, несомненно, доступные как В. А. Левшину, так и Н. А. Радищеву. Впрочем, никакие детали описания Ваидевута не свидетельствуют о привлечении Н. А. Радищевым каких-то дополнительных источников для разработки образов и усиления их “историчности”.

О степени сходства установки Н. А. Радищева и В. А. Левшина на “смешение вымысла и достоверности” (читатель должен сам отделить вымысел от отголосков достоверных исторических фактов) можно судить по словам автора:

*Я въ томъ на нашу Древность шлюсь,
И ей послѣдую отнюдь я не боюсь
Писателемъ быть льстивымъ,
Разскащикомъ болтливымъ,
Несбыточнымъ леуномъ,
Неловкимъ хвастуномъ [14, с. 26].*

Логика былинных образов русских богатырей отчасти сохранена Н. А. Радищевым. Так, Добрыня, образец вежества в богатырском эпосе, изображается в поэме “Чурилла Пленко-

вич” умеренным и степенным хранителем богатырского (рыцарского) кодекса по сравнению с практически неотличимыми друг от друга сентиментальными Алешей и Чурилой.

Заслуживает внимания наставление Добрыни Чуриле, отправляющемуся искать подвиги и славы:

*Храни, онъ говорилъ, ты честности уставы,
Богатырей они святѣйшія суть нравы;
Невинность защищай
Злодѣевъ поражай;
Въ напрасны бѣдствія безумно не вдавайся,
Со разсужденіемъ, съ холодностью сражайся [14, с. 32].*

Оригинальной чертой наставлений Добрыни является призыв к рассуждению и холодности, который отражает представление автора поэмы об этом богатыре. Это представление о Добрыне перекликается как с летописным, так и с былинным, притом от левшинского значительно отличается. Большинство известных вариантов былины подчеркивает “вежество” Добрыни Никитича, однако есть и былинные сюжеты, в которых поведение Добрыни, по нынешним меркам, можно назвать необузданным и жестоким. Добрыня появляется в поэме “Чурилла Пленкович”, но в ней этот образ восходит в первую очередь к летописному: он не воин, а соратник князя Владимира, хотя и именуется богатырем.

3. Большинство художественных приемов, характерных для былины, Н. А. Радищев не использовал. Так, в поэмах нет постоянных эпитетов и тавтологий, приемов параллелизма, характерных для былины развернутых метафор. В то же время Н. А. Радищев наследует некоторые поэтические приемы, характерные для былины. В частности, в его поэмах находим подробные описания богатырского снаряжения, являющиеся одной из типичных разновидностей былинной ретардации, однако уже олитературенные:

*Суконной Руской балахонъ,
Чтобы движеньямъ мьщъ не дѣлалъ онъ
препонъ.
Подъ нимъ полукафтанье парчевое,
Гдѣ по краямъ шитье узорчато златое
Подтягивалъ кушакъ Персидской съ серебромъ;
Высока шапочка, опушена бобромъ,
Главу Чурилы покрывала,
Здоровой цвѣтъ ланить пріятно оттняла;
Висяца изъ подъ ней черны какъ смоль
власы
Умножили еще Чуриллины красы [14, с. 34].*

Этот прием Н. А. Радищев едва ли мог наследовать у В. А. Левшина – скорее, такое подробное описание напоминает поэму Карамзина “Илья Муромец”, добавляя несвойственные былинной традиции элементы боевого оснащения:

*Кто на статном соловом коне,
черный щит держа в одной руке,
а в другой копье булатное,
едет по лугу, как грозный царь?*

*На главе его пернатый шлем
с золотою, светлой бляхою;
на бедре его тяжелый меч;
латы, солнцем освещенные,
сыплют искры и огнем горят* [7, с. 152].

В поэмах Н. А. Радищева можно отыскать и эпические повторы: в частности, заметный эпизод поэмы “Алеша Попович” – бой богатыря со стариком-колдуном Твердовским в заброшенном храме – повторяется дважды: во второй раз, по просьбе встреченного им путника, Алеша вызволяет украденную колдуном деву и снова побивает Твердовского. На помощь злому волшебнику приходит отец Челубея Астарот, владыка бесов, которого Алеша побивает тоже, пользуясь волшебной шелковой плетью. Таким образом, перед нами повторение с усилением.

4. Важным отличием “богатырских песнотворений” Н. А. Радищева от неоконченной поэмы Н. М. Карамзина является богатство их фабулы, выраженная авантюризм повествования. После поэмы “Илья Муромец”, на всем протяжении которой (485 строк) происходит лишь одно событие (встреча героя с незнакомкой в шатре), произведения Н. А. Радищева – возвращение к приключенческому характеру повествования, свойственному богатырским сказкам 70–80-х гг. XVIII в. Фабулу богатырских поэм Н. А. Радищева уже достаточно скрупулезно описал П. В. Владимиров [3, с. 4–6], первым изучивший влияние поэмы Радищева “Алеша Попович” на “Руслана и Людмилу” А. С. Пушкина.

Исследователи уже делали заключение [3; 1] о большой степени влияния, которое оказали “Русские сказки” В. А. Левшина на поэмы Н. А. Радищева. Повторяются не только сюжетные ходы, но и авторская оценка и приемы: так, уже упомянутый эпизод сражения Алеши с призраком колдуна Твердовского в заброшенном храме был заимствован непосредственно у В. А. Левшина, а вместе с ним – и комические нотки в описании боя. Герой без особого труда одолевает призрак, отвечивая противнику затрешины. Характерной чертой этой сцены у В. А. Левшина является комичность и снижение пафоса. Схожим образом ведет себя и герой поэмы Н. А. Радищева:

*Ударомъ Витязь отвѣчаетъ
На грозно слово старика;
Тузя- его онъ возглашаетъ:
Уже ль нашель ты дурака,
Чтобъ безъ побѣды я пошелъ,
Тебябъ простерта здесь не зрѣль?* [12, с. 69]

Тем не менее, заимствование у В. А. Левшина менее выражено, чем в другой поэме Н. А. Радищева. Так, В. А. Левшину удалось выдержать характер Алеши, заявленный им с первых строк “Повести о Алеше Поповиче Богатыре, служившем князю Владимиру” (“Сей богатырь не столько славен своею силою, как хитростью и забавным нравом” [8, с. 187]): его Алеша Попович действительно не упускает случая созорничать (именно шутка над Виде-

вудом, стоившая королю пруссов бороды, и становится причиной изгнания Алеши) нередко одолевает хитростью (в частности, побеждает Царь-девицу, связав ее и воспользовавшись выгодами своего положения). Подвиги Алеши всегда описываются с иронией (которая вообще характерна для “Русских сказок” В. А. Левшина), сам герой нередко проявляет здоровый цинизм и склонность к грубой шутке (в особенности ярко – в бою с Твердовским). Не то находим у Н. А. Радищева: его Алеша не проявляет никакой склонности к шуткам, предпочитая заливать слезами окружающее пространство – что и объяснимо, учитывая выпадающие на его долю лишения. Алеша В. А. Левшина идет от победы к победе – а Алеша Н. А. Радищева начинает свой богатырский путь с полного поражения и попадания в плен. В дальнейшем удачливость этого Алеши выдерживает немало испытаний. В общем, нельзя сказать, что сюжет “Алеши Поповича” Н. А. Радищева действительно близок к сюжету “Повести об Алеше Поповиче” В. А. Левшина: скорее речь идет об одиночных заимствованиях.

В обеих богатырских поэмах Н. А. Радищева читатель находит мотив змееборчества, характерный для былин об Алеше Поповиче, о Добрыне Никитиче, для фольклорных богатырских сказок, жанрово весьма близких былинам. Однако заимствовать этот мотив Н. А. Радищев мог как у авторов литературных богатырских сказок (прежде всего В. А. Левшина), так и из летописных преданий. В зачине поэмы “Чурила Пленкович” Баба Яга, противостоя богу Лелю, вызывает на Киев змея (Горынич), который губит посевы и разоряет окрестности города. По зову князя на помощь приходит могучий юноша-кожевник, о котором в поэме сказано следующее:

*Единой онъ рукою сто кожъ воловьихъ мяль
И съ легостію ихъ на части разрываль* [14, с. 13].

Эту былинную гиперболу Н. А. Радищев позаимствовал у В. А. Левшина; несомненно, что она восходит к фольклору, но позаимствовать ее В. А. Левшин мог как из летописи, так и из записей былин или преданий в не дошедших до нас рукописных сборниках, ставших источниками для автора “Русских сказок”.

Герою, в котором узнается сказочный змееборец Никита Кожемяка, Н. А. Радищев и дает имя Чурилы Пленковича. Здесь он следует за В. А. Левшиным, повторяя до мелочей сюжетные перипетии “Повести о сильном богатыре Чуриле Пленковиче”. Как и в “Русских сказках” В. А. Левшина, Чурила Н. А. Радищева побеждает змея, приходит ко князю на службу, учится ратной науке у Добрыни, отправляется странствовать, встречается Прелепу, находящуюся в плену у одноглазого злодея Кривида, побеждает Кривида дубиной, противостоит скифскому узурпатору Сумиге. Однако есть и вставная сюжетная линия, которой нет у В. А. Левшина, свя-

занная с Бабой-Ягой. По основному признаку, Чурилла Н. А. Радищева ближе к былинному, чем Чурилла В. А. Левшина. Главным образом это проявляется в усилении любовной линии. Автор постоянно подчеркивает мужественную красоту богатыря – значительно чаще, чем, например, в поэме “Алеша Попович”:

*Не могъ со Лельомъ поравняться
Онъ въ нѣжныхъ красотахъ,
Но могъ съ Иракломъ потягаться
Въ великихъ мужества чертахъ* [12, с. 34].

Несмотря на эту оговорку, красота Чурилы является не менее важным сюжетным двигателем, чем сила: обеим встретившимся ему на пути приключений женщинам (красавице Прелепе и уродливой колдунье Яге) суждено в него влюбиться без памяти. В третьей части поэмы Чурилла менее всего похож на Геракла: лишив его чудодейственной бородавки на носу, Баба Яга обрекает богатыря на рыдания, малодушие, нерешительность, слабость. Оказавшегося в безвыходном положении sentimentalного богатыря спасает бог любви, Лель. Несмотря на отсутствие прямого сюжетного взаимодействия из былин о Чурилле Пленковиче, можно констатировать, что роль любовной авантюры в поэме “Чурилла Пленкович” выше и чем в сказке Левшина, послужившей источником ее сюжета, и чем в другой богатырской поэме самого Радищева.

5. Обе поэмы Н. А. Радищева обрели популярность и были замечены в кругах ценителей литературы. Исследователи [13] называют “Алешу Поповича” и “Чурилла Пленковича” наиболее известными из сочинений этого автора. Иных к тому причин, кроме тематики и общего стабильного интереса публики к национальной самобытности, не усматривается: другие произведения Н. А. Радищева не уступают в художественном уровне ни “Алеше Поповичу”, ни “Чурилле Пленковичу”. Схожая судьба ждала и “Русские сказки” В. А. Левшина, которые выдержали несколько переизданий при жизни автора, оказали влияние на последующих писателей, переиздаются и ныне. Среди прочих причин тому стоит назвать ориентацию произведения на былинку.

Стоит отметить и серьезное различие между сказками В. А. Левшина и поэмами Н. А. Радищева в аспекте читательской оценки и читательской ориентации. Если первые были явно ориентированы на “третье сословие” и выдержали множество упреков от современников в связи с “низостью стиля” (в первую очередь эти упреки относились к социально-бытовым сказкам, включенным в сборник Левшина; однако и само обращение к народным сказкам вызвало непонимание многочисленных читателей), то вторые – уже явно ориентировались на культурного читателя, дворянина. Отчасти это следует объяснить разницей в стиле В. А. Левшина и Н. А. Радищева, отчасти –

тем, что обращение к былинке было легализовано на высочайшем уровне: богатырскими операми Екатерины II “Новгородский богатырь Боеславич” и “Горе-богатырь Косометович”, написанными в 1786 и 1788 гг. соответственно, то есть за несколько лет до поэм Н. М. Карамзина и более чем за 10 лет до поэм Н. А. Радищева, изданных в 1801 г., то есть, по всей видимости, написанных или, по крайней мере, задуманных еще в царствие Екатерины.

Такая разница в ориентации произведений говорит и о демократизации дворянства, и о росте общественного запроса на национальное начало в литературе, и о смене господствующих эстетических установок в читательских кругах.

6. Заметно стремление Н. А. Радищева архаизировать лексику, насытить текст славянизмами и историзмами. Однако уровень стилизации под былинку в обеих поэмах гораздо ниже, чем в произведениях В. А. Левшина: характерный пласт былинных историзмов полностью отсутствует. Образцом для Н. А. Радищева послужили скорее поэмы Н. М. Карамзина, И. Ф. Богдановича, А. Н. Радищева.

Н. М. Карамзин считал достижением свою попытку воспеть Илью Муромца стихом, характерным для русских народных песен. Отчасти ему это удалось: ритмическая структура “Илья Муромца” схожа с ритмом русских былин. Н. А. Радищев же не ставил целью реконструкцию былинного стиха: в его поэмах метр и ритм многократно меняются. Основной ритмического рисунка обеих поэм стал 4-стопный ямб, который абсолютно господствует в “Алеше Поповиче”, и нередко сменяется 3-стопным и 6-стопным ямбом в “Чурилле Пленковиче”. Ритм, заданный ямбом, для русских былин совершенно не характерен [4] – таким образом, можно констатировать отступление от заданной Н. М. Карамзиным тенденции. Сравнение же ритмических характеристик поэм Н. А. Радищева с характеристиками прозаических сказок В. А. Левшина едва ли уместно: попытки ритмизации прозы заметны лишь в нескольких предложениях левшинской “Повести о Добрыне Никитиче”.

7. По объему богатырские поэмы Н. А. Радищева примерно соответствуют установленному предыдущими волшебными сказочными поэмами канону и примерно в 1,5 раза превышают некоторые из прозаических богатырских сказок В. А. Левшина. В то же время объем их совершенно нетипичен для русских былин, значительно более кратких – несмотря на обилие эпических повторов и ретардацию. Очевидное тому объяснение – специфика жизни в культуре текстов устного народного творчества и письменного, индивидуально-авторского.

8. Авторское определение жанра обеих поэм – “Богатырское песнотворение”. Тем самым Н. А. Радищев декларирует принадлежность своих произведений к корпусу “богатырской

литературы” – вслед за отцом, А. Н. Радищевым, назвавшем “Бову” богатырской повестью. Это дает основания рассматривать произведения в одном корпусе текстов – аналогично тому, как их рассматривали читатели того времени, имея возможность оценивать поэмы Н. А. Радищева в сравнении с творчеством авторов-предшественников.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что память жанра былины оказала опосредованное влияние на богатырские поэмы Н. А. Радищева. Жанрами-посредниками вы-

ступила летопись, на которую оказали определенное влияние фольклорные источники (то есть былина), а также литературная прозаическая богатырская сказка второй половины XVIII в. (прежде всего, В. А. Левшин, чьи произведения, в свою очередь, были созданы под влиянием М. Д. Чулкова).

Структура связей между жанрами и произведениями, обусловивших действие памяти былины в произведениях Н. А. Радищева, следующая:

Сходство проявилось как в установке обоих авторов на нестрогую достоверность описываемых событий, специфике хронотопа, мировосприятия, попытке реконструкции славянского пантеона, активном введении имен богатырей в ткань повествования, заимствовании Н. А. Радищевым у В. А. Левшина оригинальных сюжетных ходов, заимствовании некоторых характерных для былины художественных приемов, в характеристиках образов персонажей (в особенности Чурилы Пленковича). Тем не менее, несмотря на то, что это влияние не ограничивается одной лишь сюжетикой, а пронизывает всю структуру поэм, роль былинного начала в поэме Н. А. Радищева ослаблена по сравнению со сказками В. А. Левшина. Наиболее вероятная причина такого явления – то, что Н. А. Радищев фактически ограничился произведениями В. А. Левшина в качестве источника сведений о богатырях, не привлекая аутентичное народное творчество. Оценивая выраженность памяти жанра былины в поэмах Н. А. Радищева, можно сделать вывод о снижении роли былинного начала в таких жанродифференцирующих параметрах текста, как

мировосприятие, хронотоп, сюжетика, лексика, ритмика. Тем не менее, в богатырских поэмах Н. А. Радищева прослеживается память летописи, народной волшебной сказки, исторического предания. Главным и, по всей вероятности, единственным посредником в передаче их памяти также стали “Русские сказки” В. А. Левшина.

Степень выраженности в поэмах Н. А. Радищева черт, характерных именно для богатырской сказки (богатырской поэмы), а также влияние на “Алешу Поповича” и “Чурилу Пленковича” “Русских сказок” В. А. Левшина, позволяют нам включить поэмы Радищева не в широкий круг “волшебных-сказочных” поэм, а в более узкий круг “богатырских сказок”. Новаторство Н. А. Радищева строится на использовании творческого наследия В. А. Левшина с учетом продиктованного Н. М. Карамзиным жанрового стандарта “богатырской поэмы”.

Список использованной литературы

1. Акимова Т. И. Поэма А. С. Пушкина “Руслан и Людмила” и волшебные сказочные поэмы к. XVIII – н. XIX века / Т. И. Акимова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинс-

- кого. Гуманитарные науки. – 2011. – № 23. – С. 106–115.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва : Советская Россия, 1979. – 320 с.
  3. Владиміров В. П. Происхождение “Руслана и Людмилы” А. С. Пушкина (1817–1820 гг.) / В. П. Владиміров // Университетські звісті. – Київ : Типографія Імператорського університету Св. Володимира, 1895. – № 6. – С. 1–11.
  4. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха / М. Л. Гаспаров. – Москва : Фортуна Лимитед, 2000. – 351 с.
  5. Дзюба Е. М. Становление и развитие жанра романа в русской литературе 70–80-х годов XVIII века: (Мифогенный роман в творчестве М. Д. Чулкова, М. И. Попова, В. А. Левшина) : дис. ... д-ра филол. наук : 10. 01. 01 / Е. М. Дзюба. – Москва, 2006. – 440 с.
  6. Добрыня Никитич и Алеша Попович : сборник / отв. ред. Э. В. Померанцева. – Москва : Наука, 1974. – 447 с.
  7. Карамзин Н.М. Илья Муромец / Н. М. Карамзин. – Режим доступа к документу: <http://rvb.ru/18vek/karamzin/1bp/01text/01text/073.htm>.
  8. Курышева Л. А. Повести о богатырях в “Русских сказках” В. А. Левшина: сказочно-историческая модель повествования / Л. А. Курышева ; отв. ред. Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, 2009. – 151 с.
  9. Левшин А. В. Русские сказки / В. А. Левшин. – Москва : Университетская типография Н. Новикова, 1783. – Ч. 5. – 286 с.
  10. Левшин А. В. Русские сказки / В. А. Левшин. – Москва : Университетская типография Н. Новикова, 1780. – Ч. 1. – 520 с.
  11. Полевой Н. А. Очерки русской литературы / Н. А. Полевой. – Санкт-Петербург : Типография Сахарова, 1839. – Ч. 1. – 166 с.
  12. Радищев Н. А. Алеша Попович / Н. А. Радищев. – Москва : В университетской типографии, у Христофора Клаудия, 1801. – 108 с.
  13. Радищев Н. А. Стихотворения [Электронный ресурс] / Н. А. Радищев // Биографическая справка П. А. Орлова. – Режим доступа: http://az.lib.ru/r/radishew_n_a/text_0010.shtml.
  14. Радищев Н. А. Чурила Пленкович / Н. А. Радищев. – Москва : В университетской типографии, у Христофора Клаудия, 1801. – 200 с.
  15. Щедрін І. Л. Проблема пам'яті жанру в міждисциплінарному науковому дискурсі / І. Щедрін // Вісник Запорізького національного університету : збірник наукових статей. Філологічні науки. – Запоріжжя : Запорізький національний університет, 2011. – № 1. – С. 58–67.

Стаття надійшла до редакції 06.08.2014.

Щедрін І. Л. Богатирські поеми М. О. Радіщева: проблема пам'яті жанру билини

У статті за допомогою висуненої М. М. Бахтіним концепції “пам'яті жанру” проаналізовано жанрову специфіку богатирських поем М. О. Радіщева “Альоша Попович” і “Чурила Пленкович” та характер проявів у їхній структурі елементу билини як одного з жанрів-попередників.

Ключові слова: жанр, билина, богатирська поема, чарівно-казкова поема, пам'ять жанру.

Schedrin I. Heroic fairy tales by N.A. Radishchev: the problem of bylina's genre memory

The author analyzes the relationship between heroic fairy tales by N.A. Radishchev “Alyosha Popovich” and “Churila Plenkovic” and Russian epos in the light of M.M. Bakhtin's theory of genre and his concept of genre memory. At present, there appear works about folklorism of poems by N.A. Radishchev who had a great influence on the A.S. Pushkin's poem “Ruslan and Lyudmila”. However, there is no complete study on bylina's influence on N.A. Radishchev's epic works. To solve this problem the article provides a comparative analysis of the main features of Radishchev's poems and genre differentiation criteria of bylina. The analysis is performed on 8 corresponding points: subject of works, individual authors' worldview, characteristic literary devices, social and aesthetic value of a work, poetic characteristics, unpoetic formal characteristics, author's definition of the genre. As a part of the research, the author provides the most complete, compared with previous studies, description of the plot and other ties between the poems “Alyosha Popovich” and “Churila Plenkovic” and prosaic “heroic fairy tales” by V.A. Levshin about Alyosha Popovich and Churila Plenkovic. The author also examines the influence of genre memory of bylina on Radishchev's worldview, chronotope of his poems, characteristics of the main characters, poetic characteristics of his works. As follows from the analysis, genre memory of bylina in poems “Alyosha Popovich” and “Churila Plenkovic” appeared mainly at the level of plot structure, some elements of worldview, character profiles – especially as for Churila Plenkovic. Intermediary genres in this context were Russian chronicles based among other things on folklore sources, manuscript collections of epics, and literary heroic fairy tales of the second half of the XVIII century. At the level of rhythm and poetic characteristics, genre memory of bylina had practically no influence on the works by N.A. Radishchev. Thus, inclusion of Radishchev's poems in intergenre community of heroic fairy tales is valid. Specifics of the display of genre memory of bylina in these poems gives grounds for judgments about changes in the request of readers' multitude in Russia from the 1780s till the 1800s, the growth of the request for nationality and ethnicity in works, gravity to folklore.

Key words: genre, bylina, heroic fairy tale, magic fairy tale, genre memory.